

Миронов А

25/V.86

154

Встреча для вас

«Миг наступил бесценный. В этом — вся жизнь моя. Я выхожу на сцену... Здравствуй, вот он я! Верьте в мое старание. Слово я вам даю: Все, чем живу, — сыграю. Все, что смогу, — спою...»

Эти стихи Роберта Рождественского, положенные на музыку Яном Френкелем, стали лирическим вступлением к творческим встречам с циркускими зрителями народного артиста РСФСР Андрея Миронова. На мой взгляд, они точно отражают ту атмосферу, в которой работает артист: особого доверия и зрительному залу искренности и вдохновения полной, а порою даже изнурительной самоотдачи. В короткие музыкальные паузы он успевает за кулисами схватить на лету полотенце, промокнуть лицо и вновь — один на один с переполненным залом. Лихо отплясывает ли он, поет ли или играет сцены из спектаклей — все легко, изящно, отмечено артистизмом самой высокой пробы...

Почти целый час внимание зрителей приковано к тому яркому и темпераментному процессу творчества, который происходит на их глазах. К концу концерта коллега Миронова по сцене Анатолий Панаев вскользь замечает: подождите, он еще и рубаху выкручивать будет... Полная расторопность в своем любимом деле, будь то театр или эстрада, вообще характерна для Андрея Миронова. Порою даже думаешь: а уж не правы ли те критики, которые считают истинным призванием этого артиста именно эстраду? Вот почему первый вопрос к нему так и прозвучал:

— Как вы относитесь к тому, что вас называют эстрадным артистом?

— А почему бы и нет! Очень часто в устах драматического актера словосочетание «эстрадный артист» звучит чуть ли не ругательно, причем, это не зависит от уровня самого драматического исполнителя. Считается, что искусство первого сорта — это драма, а второго — эстрада. Я не согласен с этим. Я знаю большое количество плохих драматических артистов и замечательных — эстрадных. Эстрада требует от актера одновременного владе-

ния (на профессиональном уровне!) песней, танцем, мимикой, пластикой... Есть высокая эстрада и высокий театр. И я в равной мере серьезно отношусь и к тому, и к другому. Артист драматический, я не отказываюсь выступать и на эстраде, сниматься в опереттах, водевилях.

ЯРКИЙ ПРОЦЕСС ТВОРЧЕСТВА

— Наверное, не случайно вы утверждаете этот жанр и на большой сцене в своем спектакле «Прощай, конферансье!», отдавая ему дань уважения и признательности! Многие зрители предполагают, что вы посвятили его своим родителям — популярным артистам эстрады Марии Мироновой и Александру Менакеру.

— Это не совсем так. В спектакле дается скорее обобщенный образ целого поколения довоенных артистов, которых я хорошо знал по детству и юности, хотя сам родился в 41-ом. Это и Утесов, и Райкин, и Шульженко, и многие, многие другие. В какой-то степени, спектакль посвящен всем им. Я хорошо запомнил эстраду тех лет — и клубы, и бархатные занавесы, и атмосферу зрительного зала, всегда готового доброжелательно откликнуться на удачную шутку конферансье... У меня сохранились прочные связи с друзьями моих родителей, они теперь и мои самые большие друзья. Прекрасный драматург Григорий Горин писал программы выступлений для моих родите-

лей. Ян Френкель, чья музыка традиционно открывает мой концерт, в свое время написал ее для моих родителей, и она звучала в их четырех последних спектаклях...

— «Прощай, конферансье!» — ваш режиссерский дебют?

— Нет. Это моя четвертая работа. Первой был спектакль «Маленькие комедии большого дома», который мы поставили вместе с Ширвиндтом

и тавных элементов этой общей идеи...

Творческий диапазон народного артиста республики Андрея Александровича Миронова необычайно широк. В нем, окончившем театральное училище имени Щукина, воспитаннике вахтанговской школы, сработала, по выражению театрального критика В. Кичина, «двойная наследственность — в крови и в генах». Танец, песня, эксцентрика становятся для него необходимыми «инструментами», главными компонентами актерского мастерства, средством самовыражения его романтической натуры. На экране мы познакомились с Мироновым сначала в фильме «А если это любовь?». Затем был Любешкин в кинокомедии «Два плюс три», обязательный жулик Граф в «Брил-

лет десять назад. Затем — «Феномен» Григория Горина, «Бешеные деньги» Островского. Сейчас я ставлю пятый спектакль — «Тени» Салтыкова-Щедрина.

— Приход в режиссуру, видимо, не случаен!

— Сегодня много пишут об актерской режиссуре. Бесспорно, режиссер — это профессия, требующая не только душевного призвания, но и определенных навыков, профессионализма. И я не могу сказать, что в полной мере всем этим владел, когда приступал к своему первому режиссерскому опыту. Однако как бы ты ни был подготовлен профессионально, количество порою переходит в качество. Наверное, за четыре спектакля и мне удалось приобрести то, что дало право взяться и за следующую постановку... Во всяком случае, мне это интересно, меня к этому тянет. Ведь режиссура предусматривает некое ощущение, осмысливание спектакля в целом и выражение какой-то общей идеи произведения. А роль, как бы то ни было, — лишь один из сос-

лиантовой руне», ловкач Дима Семицетов в «Берегись автомобиля», Маркиз в приключенческой ленте «Достояние республики», милиционер в комедии «Необыкновенные приключения итальянцев в России», где Миронов отказался от услуг каскадера и отважно выполнил целый каскад опасных трюков. Плодотворно он снимается и на телевидении. Мы помним и его Остапа Бендера, и Рудина, и Грушницкого, и Фридриха Энгельса в картине «Год, как жизнь»... Но Театр сатирой остается для него любимой стихией, где максимально реализуются все возможности, все, чем одарила его природа. Длинный список ролей. Вот лишь некоторые — Присыпкин в «Клопе», Чацкий в «Горе от ума», Велосипедкин в «Бэне», Хлестаков в «Ревизоре», Сильвестр в «Продолжая Сюпена»... И, наконец, Лопухин Ермайл Алексеевич — купец из «Вишневого сада».

— Лопухин — фигура крайне противоречивая, не вмещающаяся в привычные понятия о купце. Как вы относитесь к этому своему герою?

— Эту роль невозможно обозначить какой-то одной характеристикой. Лопухин не случайно показан в переломный момент истории, когда

одна эпоха сменяется другой, когда сталкиваются красота человеческого духа и жесткий прагматизм, носителем которого и является Лопухин. И для меня в нем самое важное, самое главное — это его внутренняя драма: с одной стороны — понимание неизбежности прагматизма и...

— Понимание его необходимости!

— Необходимости и неизбежности! Лопухин понимает, что с уничтожением вишневого сада из жизни уходит красота и в то же время не может не понимать, что и жить по-старому невозможно. Он

словно вступает в конфликт с самим собой, а вовсе не с Раневской. Он является реальной силой, которая разрушает старое и в тоже время требует обновления всей жизни — и новых экономических отношений, и других взаимоотношений между людьми. В его душе возникает внутренний разрыв между разумом и чувством. Лопухин как бы предощущает, что на смену «самоу прекрасному на свете — вишневому саду» грядет бездуховность, катастрофа души. Для моего Лопухина это конец мира... И для меня тоже.

(Замечу в скобках, что в год

125-летнего юбилея Антона Павловича Чехова, когда на сценах страны шло не меньше десяти постановок «Вишневого сада», театральные критики признали исполнение роли Лопухина Мироновым одним из самых точных, психологически верных).

— Каковы ваши дальнейшие планы?

— В театре, как я уже сказал, ставлю «Тени», и это на каком-то отрезке времени для меня главное. На киностудии «Мосфильм» начинаю сниматься в приключенческом фильме Аллы Суриковой «Человек с бульвара капуцинок»...

— Скажите, ваши дети тоже будут артистами?

— Ну, я этого не знаю! У меня две девочки — 12 и 13 лет, и свою судьбу они будут решать сами. Я противник того, чтобы искусственно создавать какую бы то ни было генетику... Нет, это они сами решат.

— И последний вопрос. На многих известных актерах лежит бремя популярности, и не все легко переносят «звездную болезнь». Как относитесь к этому вы?

— Когда Альберто Сорди (а он невероятно популярен в Италии) спросили, как вы относитесь к славе, не мешает ли вам ваша популярность, он ответил, что она мешала... когда ее не было. Я считаю, что популярность — это доверие, это любовь зрителей, а я не отношусь к категории артистов, которых не интересует их мнение. Я работаю не для себя — для публики, и ее оценка для меня очень важна, может, поэтому я и «выкладываюсь» всегда до конца... А как только я стану неинтересен зрителям, привычен и возникнет равнодушие, — это будет финал. Трудно завоевать популярность — потерять легко. Я об этом всегда помню. Так что мне лично никакая «звездная болезнь» не грозит.

— Ну что ж, будьте здоровы, Андрей Александрович! Беседу вел А. ВЕРЕЩАГИНА. Фото А. ИВАНИШИНА.

25 МАИ 1986

Восточно-Сибирская правда г. Иркутск